

ИЗМЕНА.
Я ПОДАЮ НА
РАЗВОД

ДИАНА ФУРСОВА

Диана Фурсова

Измена. Я подаю на развод

<https://litres.ru/74205698>

Аннотация

Она увидела сообщение на телефоне мужа — и больше не смогла жить “как раньше”. Алина подаёт на развод, думая, что самое страшное уже случилось. Но Максим превращает расставание в войну: деньги исчезают, документы пропадают, вокруг появляются “свидетели”, а её саму делают нестабильной. Любовница заявляет о беременности — и начинает давить так, будто Алина уже проиграла. Когда в дело вмешивается адвокат, Алина понимает: измена была лишь началом. Потому что у Максима есть любимое оружие — правдоподобная ложь и документы с “её” подписью. Сможет ли Алина выиграть, если против неё — не чувства, а система?

Содержание

ГЛАВА 1. «Счастье с трещиной»	4
ГЛАВА 2. «Улика»	18
ГЛАВА 3. «Ты мне больше никто»	32
ГЛАВА 4. «Война начинается»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ГЛАВА 1. «Счастье с трещиной»

Шарик упрямо не хотел держаться на скотче и снова отлипал от стены, как будто тоже сомневался, стоит ли праздновать.

Алина прижала его ладонью, выдохнула и посмотрела на часы.

21:17.

— Мам, он уже идёт? — Соня стояла в дверях кухни с бумажной короной на голове. Корона была из набора “Праздник дома”, который Алина купила спонтанно, словно этим можно было зафиксировать счастье, чтобы оно не расплзлось по углам.

— Конечно идёт, — сказала Алина слишком бодро и повернулась к духовке. — Папа просто... задержался.

— Как всегда, — честно сказала Соня.

Алина улыбнулась, но улыбка вышла ровно на миллиметр слабее, чем нужно.

— Не “как всегда”. Сегодня... — она остановилась, потому что не хотела произносить вслух: *сегодня мне особенно важно, чтобы он пришёл вовремя*. Слова казались опасными, будто если сказать — они сразу станут неправдой.

На столе уже стояли тарелки, свечи, салатник, в котором зелень выглядела как витрина чужой счастливой жизни. На подоконнике в вазе торчали тюльпаны — яркие, чуть вызы-

вающие. Максим любил тюльпаны. “Простые и честные,” — говорил он.

Честные.

Алина провела пальцем по краю бокала, стерла невидимую пылинку и снова посмотрела на часы.

21:18.

Телефон лежал на столешнице рядом с доской для хлеба. Экран молчал — как будто тоже обиделся. Она взяла его, набрала “Максим” и тут же сбросила.

— Мам, можно я включу гирлянду? — Соня уже тянулась к розетке.

— Подожди. Давай вместе. Когда папа...

Соня закатила глаза так выразительно, что Алине захотелось рассмеяться — и одновременно захотелось плакать.

— Мам, я же не маленькая. Я просто хочу, чтобы было красиво.

— И будет красиво, — сказала Алина, поймав себя на том, что говорит это не дочери, а самой себе. — Будет.

Она всё-таки нажала вызов.

Гудки. Один. Второй. Третий.

Наконец — щелчок.

— Да, — голос Максима прозвучал в движении, будто он шёл быстро и не хотел останавливаться.

— Ты где? — спросила Алина ровно.

— На подъезде. Слушай, тут... — он замялся, и это “тут” растянулось так, словно в нём было больше, чем одна при-

чина. — В общем, я на встрече задержался.

— На какой встрече? — Алина старалась, чтобы вопрос звучал как обычный. Как бытовой. Как жена, которая волнуется о горячем ужине, а не о том, что у неё внутри вдруг стало пусто.

— По работе. Алин, ну ты же знаешь. Не начинай, ладно?

— Я не начинаю, — тихо сказала она. — Я просто спрашиваю. Ты обещал быть...

— Я помню, — перебил Максим. — Я уже еду. Всё. Через десять минут.

— Ты это говорил двадцать минут назад.

Пауза.

— Дороги, — бросил он. — Связь плохая. Давай потом. И отключился.

Алина медленно положила телефон на столешницу.

Соня смотрела на неё, прикусив нижнюю губу.

— Он злой? — спросила дочь.

— Нет, — сказала Алина и вдруг поняла, что сама не уверена. — Он устал. Папа много работает.

— Он всё время устал, — сказала Соня просто. — Может, ему надо меньше работать и больше жить?

У детей иногда получаются фразы, после которых взрослым становится стыдно.

— Иди руки помой, — сказала Алина, пряча своё лицо за дверцей шкафчика. — И корону поправь. Принцесса не может быть с кривой короной.

Соня ушла, топая по коридору, и Алина, оставшись одна, достала из ящика штопор, хотя вино ещё не открывала. Просто нужно было что-то держать в руках.

Её телефон завибрировал — сообщение от Киры.

Кира: *Ну что, именинница семейного счастья, он уже оценил твой труд?*

Алина улыбнулась. Кира всегда писала так, как будто на свете не существовало трагедий — только сюжеты, которые можно разнести по полкам.

Алина набрала: *Едет. Как обычно.*

Пальцы зависли. Она стерла “как обычно” и написала: *Задержался.*

Секунда — и пришёл голосовой.

— Али-и-ин, — протянула Кира в динамике так, словно садилась рядом на табуретку. — Я только не пойму: ты для кого там стол накрываешь? Для Максима или для своего терпения? Если он снова опоздает, ты хотя бы не делай вид, что это нормально. Ну? Скажи мне, что ты сегодня не будешь “понимать и входить в положение”.

Алина выключила голосовое, не дослушав.

Понимать и входить в положение.

Она подошла к зеркалу в прихожей — просто проверить, как выглядит. Платье сидело хорошо. Волосы — аккуратно. Глаза... глаза выдавали её сильнее всего.

Она провела пальцем под нижним веком, будто могла стереть усталость, как тушь.

Снаружи послышался лифт — тяжёлые шаги, металлический щелчок. Соня выскочила из ванной, вытирая руки о футболку.

— Папа! — крикнула она так радостно, что у Алины внутри что-то болезненно дрогнуло.

Щёлкнул замок.

Дверь распахнулась — и Максим вошёл, держа в руках бумажный пакет из какой-то кофейни, словно этим можно было купить прощение.

— Мои девочки, — сказал он громко и улыбнулся слишком широко.

Соня бросилась к нему, обхватила за ноги.

— Ты опоздал! — обвиняюще сказала она, но уже смеялась.

— Я знаю, зайка, — Максим наклонился, поднял её, поцеловал в щёку. — Прости. Я привёз тебе... — он достал из пакета маленький эклер. — Самый вкусный.

— Мне? — Соня просияла. — А маме?

Максим на секунду замер — ровно на долю секунды, но Алине хватило.

— И маме, конечно, — он быстро порывлся в пакете и вытащил ещё один. — Просто маме я привёз кое-что другое.

Алина ждала. Не потому что ей нужен был подарок. А потому что ей нужен был знак: *я о тебе думал*.

Максим подошёл, наклонился, поцеловал её в щёку. Холодный, короткий поцелуй. Не тот, который был раньше.

— Счастливого нашего... — пробормотал он.

Нашего чего? — подумала Алина. *Нашего вечера? Нашей годовщины? Нашей семьи?*

— Ты мокрый, — сказала она вместо этого. — На улице дождь?

— Моросит, — ответил Максим и снял пиджак.

И тут Алина почувствовала запах.

Не дождя. Не улицы.

Тонкий, сладковатый аромат чужих духов — дорогих, слишком “вечерних”. И ещё что-то... тёплое, почти кремовое, как гостиничное мыло.

У Алины внутри всё поднялось на поверхность, как пузырь в кипящей воде.

Она сделала вид, что ничего.

— Иди руки помой, — сказала она спокойно. — Ужин готов.

— Сейчас, — кивнул Максим и прошёл в ванную.

Соня уже тянула Алину на кухню:

— Мам, давай гирлянду! Быстро!

Алина включила гирлянду, огоньки вспыхнули, кухня стала похожа на открытку.

Соня хлопала в ладоши.

— Красота!

Алина смотрела на огоньки и думала: *красивая картинка* — *это не доказательство счастья.*

Максим вышел из ванной, поправляя манжеты.

— Ты готовила? — спросил он, подходя к столу. — Ого.

— Да, — сказала Алина. — Это же... — она не договорила, потому что он уже сел и потянулся к телефону.

Телефон, как всегда, лёг на стол **экраном вниз**.

Алина заметила это автоматически — как замечают привычку, которая раньше не раздражала, а теперь стала сигнальной лампочкой.

— Соня, садись, — сказала Алина.

— Пап, а ты мне сказку сегодня прочитаешь? — Соня закинула ноги на стул.

— Конечно, — кивнул Максим и улыбнулся ей. — Если мама меня не съест.

— Я никого не ем, — сказала Алина, разливая сок. — Я просто хочу поужинать вместе.

— Ну вот, — Максим развёл руками. — Мы вместе.

Слова были правильные. Тон — правильный. Даже улыбка — правильная.

Только внутри Алины всё было неправильно.

— Как прошёл день? — спросила она, глядя на него.

Максим взял вилку.

— Нормально. Работы много.

— Ты был на встрече, да? — уточнила она.

— Да, — ответил он слишком быстро. — С партнёрами.

— С какими партнёрами? — осторожно спросила Алина, будто проверяя, не хрупкое ли стекло.

Максим поднял на неё глаза — и в этих глазах мелькнуло

раздражение.

— Алин... — он сделал паузу, словно выбирая, как мягче ударить. — Ты опять? У тебя сегодня праздник. Давай без допросов.

— Это не допрос, — сказала Алина. — Мне просто интересно.

— Я же сказал: партнёры, — повторил Максим, и в его голосе появилась сталь. — Что тебе ещё нужно?

Соня замолчала, чувствуя напряжение, как чувствуют его дети — телом, кожей.

Алина улыбнулась дочери:

— Ешь эклер, пока не растаял.

Соня послушно укусила, но смотрела то на маму, то на папу.

Максим потянулся к телефону, перевернул его на секунду экраном вверх — и тут Алина увидела, как быстро он что-то нажал, будто гасил уведомление.

— Ты менял пароль? — спросила она вдруг, слишком прямо.

Максим замер.

— Что?

— На телефоне. Ты менял пароль? — повторила Алина.

Максим усмехнулся, но усмешка получилась натянутой.

— Да. А что?

— Раньше не менял, — сказала Алина.

— Раньше я был моложе и наивнее, — бросил Максим.

— Сейчас у меня работа. Контракты. Конфиденциальность. Не драматизируй.

— Я не драматизирую, — сказала Алина и почувствовала, как внутри у неё холодеет. — Просто заметила.

Максим улыбнулся Соне:

— Мамы любят замечать всё подряд.

Соня хихикнула — из вежливости.

Алина не засмеялась.

Она смотрела на мужа — и пыталась найти в нём того Максима, который раньше мог задержаться, но приходил и говорил: “Прости. Я хотел успеть. Я пытался.” Того, кто мог быть виноватым по-настоящему.

Сейчас Максим был... собранным. Слишком собранным. Как человек, который заранее подготовил линию защиты.

— Ты пахнешь странно, — сказала Алина спокойно, будто говорила о соусе. — Какие-то духи.

Максим моргнул.

— Что?

— Духи. Не твои, — уточнила она.

Максим рассмеялся громче, чем нужно.

— Ты серьёзно? Это офис. Там женщины, Алин. Ты думаешь, я контролирую, чем они душатся?

— Я думаю, что ты пахнешь так, будто обнимал кого-то очень близко, — сказала Алина.

Соня перестала жевать.

Максим резко перестал улыбаться.

— Ты перегибаешь, — сказал он тихо. — При ребёнке.

— Я не кричу, — сказала Алина. — Я говорю.

— А я говорю тебе: хватит, — Максим положил вилку. —

Ты сегодня решила всё испортить?

Эта фраза попала в Алину точно — как игла.

Решила испортить.

Не “я виноват, что опоздал”. Не “прости”. А “ты решила”.

Она глубоко вдохнула.

— Сонь, иди включи мультик на десять минут, хорошо?

— сказала она мягко. — Потом папа тебе почитает.

— Но я хочу сидеть с вами, — Соня сжала корону на голове.

— Солнышко, — голос Алины стал медовым и опасным.

— Пожалуйста.

Соня посмотрела на папу. Максим отвёл взгляд, будто ему было всё равно.

Соня медленно слезла со стула и ушла в комнату. Мультфильм включился через минуту, и из гостиной донёсся бодрый голос персонажей — слишком весёлый для этой кухни.

Только когда дверь в комнату закрылась, Алина тихо спросила:

— Максим, что происходит?

Максим откинулся на спинку стула.

— Ничего.

— Тогда почему ты... другой?

— Я устал, — сказал Максим с раздражением. — Вот что

происходит. Я пришёл домой, хотел спокойно поесть — а ты начинаешь с пароя, духов, допросов. Ты сама себя накручиваешь.

— Я накручиваю? — Алина смотрела на него в упор. — Ты опаздываешь. Ты скрываешь телефон. Ты меняешь пароль. Ты пахнешь чужими духами. И я накручиваю.

Максим наклонился к ней:

— Алина. Ты. Устраиваешь. Скандал. На ровном месте.

— Я не устраиваю скандал, — сказала она тихо. — Я пытаюсь понять, где мой муж.

Максим выдохнул через нос, как будто разговаривал с человеком, который ничего не понимает.

— Твой муж — здесь. Прямо перед тобой. Довольна?

— Нет, — честно сказала Алина.

Молчание стало густым.

Максим резко встал.

— Я пойду, — сказал он. — Мне надо закончить пару дел. И пожалуйста, не делай лицо мученицы. Я не делаю тебе ничего плохого.

Он пошёл к прихожей, взял телефон со стола — и автоматически, как всегда, перевернул его экраном вниз, прижимая к ладони.

— Ты куда? — спросила Алина.

— В кабинет, — бросил Максим. — Поработаю.

— В десять вечера?

— В десять вечера, — повторил он. — Потому что кто-то

должен обеспечивать нашу “идеальную семью”.

И ушёл.

Алина осталась на кухне одна, среди свечей, салата и огоньков гирлянды. И впервые за долгое время ей захотелось выключить свет.

Она вытерла руки о полотенце, подошла к гостиной.

Соня сидела на ковре, мультик играл, но девочка не смеялась — просто смотрела в экран, как будто понимала больше, чем должна.

— Мам, вы опять поругались? — спросила Соня, не оборачиваясь.

— Нет, — сказала Алина. — Мы просто... разговаривали.

— Разговаривали — это когда вы улыбаетесь, — сказала Соня тихо.

Алина присела рядом и обняла дочь.

— Прости, солнышко.

— А папа меня всё равно любит? — спросила Соня вдруг так серьёзно, что у Алины перехватило горло.

— Конечно любит, — сказала она быстро. — Конечно.

Но внутри у неё шевельнулось: *а меня?*

Максим закрыл за собой дверь кабинета и прислонился к ней спиной. На секунду он позволил себе закрыть глаза.

Телефон вибрировал в руке, как живое.

Он открыл экран — быстро, привычно. Ввёл новый пароль, который придумал неделю назад, когда понял, что старая “дата их свадьбы” стала слишком символичной.

Сообщение.

Лера: *Ты обещал. Я уже подъехала. Где ты?*

Максим скривился, стер набираемое “не сейчас” и написал другое:

Дома. Не пиши так.

Пауза.

Он услышал шаги в коридоре — лёгкие, осторожные. Алинин шаг. Когда она старалась быть незаметной — она становилась ещё заметнее.

Максим быстро перевёл телефон в беззвучный, перевернул экраном вниз и положил на стол.

Как всегда.

Алина не собиралась подслушивать. Она просто шла за водой — ей стало сухо во рту, будто она проглотила песок.

Но по пути её взгляд упал на полоску света под дверью кабинета. Максим всегда закрывался там “работать”, когда хотел, чтобы его не трогали.

Алина постояла секунду. Потом тихо толкнула дверь — и тут же остановилась.

Максим сидел за столом, лицо напряжённое. Телефон лежал рядом — **экраном вниз**.

— Ты что-то хотел? — спросил он слишком спокойно, даже не повернувшись.

— Я воду... — сказала Алина.

— На кухне есть, — отрезал Максим.

Она уже хотела уйти, но телефон на столе вдруг коротко

засветился — будто сам не выдержал этой игры.

Экран вспыхнул на секунду, и Алина увидела верхнюю строку уведомления.

Лера ##: *Я уже внизу. Подниматься?*

Алина застыла.

Вода стала не нужна. Воздух — тоже.

Максим резко обернулся, увидел её лицо — и понял, что трещина только что превратилась в разлом.

ГЛАВА 2. «Улика»

— Кто такая Лера? — спросила Алина так тихо, что даже мультяшный смех из гостиной на секунду показался громче.

Максим резко поднялся из-за стола, как будто его поймали не на сообщении — на ударе.

— Ты что, рылась в моём телефоне? — в голосе сразу появилась праведная обида, натренированная до автоматизма.

Алина не моргнула.

— Он сам загорелся. И я увидела. Лера. Сердечко. “Я уже внизу”. — Она произнесла это ровно, будто перечисляла ингредиенты в салате. — Кто она?

Максим сделал шаг к столу, взял телефон — быстро, слишком быстро, и снова перевернул его экраном вниз, как крышкой накрыл.

— Коллега, — сказал он. — Ты довольна?

— Коллега стоит “внизу” у нашего подъезда? — Алина чуть наклонила голову. — В десять вечера.

— Я не обязан отчитываться, — отрезал Максим. — Я работаю. Для вас.

Эта фраза всегда работала. Как пароль от их привычной жизни: *он добытчик, она должна понимать.*

Но сейчас пароль не подошёл.

— Ты даже не спросил, почему у меня трясутся руки, — сказала Алина.

Максим сжал челюсть.

— Не надо театра, Алин. Это просто рабочий вопрос. Ей надо передать мне документы. Всё.

— Пусть передаст завтра.

— Ты сейчас серьёзно командуешь мной? — он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Ты сама себя накрутила, а теперь пытаешься контролировать мою работу.

Из гостиной донеслось: “Ма-ам!” — Соня позвала не громко, по-детски осторожно.

Алина не отрывала взгляда от Максима.

— Иди к ней, — сказал Максим, будто одолжение сделал. — Успокойся. Ты устала.

— Я устала, — согласилась Алина. — Но не настолько, чтобы мне можно было врать в глаза.

Максим замер. На секунду.

Потом его лицо стало гладким, как стекло.

— Я не вру, — сказал он. — Иди. К. Ребёнку.

Алина медленно развернулась и вышла. Не хлопнула дверь. Не сказала “пошёл ты”.

Она просто ушла — и эта тишина, кажется, задела его сильнее любых слов.

Соня сидела на ковре, поджав ноги.

— Мам, ты чего такая? — спросила она, глядя на Алину снизу вверх, как на взрослую, которая должна быть крепкой.

Алина села рядом, притянула дочь к себе.

— Ничего, солнышко. Я просто задумалась.

— Папа опять уйдёт? — Соня уткнулась носом ей в плечо.

— Нет, — сказала Алина, и вдруг поняла, что она больше не уверена в этом “нет”.

В коридоре слышались шаги Максима. Он прошёл мимо гостиной, даже не заглянув, и остановился у входной двери.

— Я выйду на пять минут, — бросил он через плечо.

— К кому? — спросила Алина спокойно.

Максим повернулся, глаза сузились.

— Ты сейчас специально?

— Я сейчас — мать. И жена. — Алина поднялась, удерживая Соню одной рукой. — Я спрашиваю: к кому ты выходишь, Максим?

Он выдохнул, как человек, которому мешают.

— К Лере. К “коллеге”. Заберу папку и вернусь. Довольна?

Соня подняла голову.

— Пап, ты уйдёшь? — в голосе ребёнка дрогнуло.

Максим сразу нацепил улыбку — для дочери у него всегда была отдельная маска.

— Нет, зайка. Я сейчас. Быстро. Как супергерой: вылетел — вернулся.

— Супергерой без плаща, — пробормотала Соня.

— Без плаща, зато с папкой, — Максим подмигнул ей и потянулся к дверной ручке.

Алина не остановила его. Не вцепилась. Не сказала: “Если

выйдешь — не возвращайся.”

Она просто смотрела.

Максим оглянулся — на секунду, в которой уместилось всё: *она другая*. Не плачет, не кричит, не просит.

— Что? — резко спросил он. — Что ты на меня так смотришь?

— Ничего, — сказала Алина. — Иди.

И это “иди” прозвучало как приговор, хотя она ещё сама не знала, какой.

Дверь закрылась.

Соня дёрнула Алину за рукав.

— Мам, а кто такая Лера?

Алина сглотнула.

— Никто. Просто... папа по работе.

Соня нахмурилась.

— Но ты же сказала “врать”. Папа врёт?

Алина посмотрела на дочь и почувствовала, как что-то внутри неё натягивается, как струна: нельзя ломать ребёнка правдой, но и лгать вместе с Максимом — уже невозможно.

— Сонь, — тихо сказала она. — Папа... иногда говорит не всё. Но мы с тобой... мы справимся, ладно?

Соня прижалась крепче.

— Ладно.

Алина поднялась и пошла на кухню. Ей нужна была вода. Любая простая вещь, чтобы держаться за реальность.

Стакан дрогнул в руке, и она поставила его на стол.

В квартире стало слишком тихо. Даже мультитик будто стал тише.

Алина посмотрела на часы: 22:11.

Пять минут.

Она не знала, сколько времени прошло, когда дверь снова открылась.

Максим вошёл, держа в руках тонкую папку — действительно папку. Как доказательство собственной правоты.

— Вот, — сказал он с порога. — Документы. Всё. Можно теперь жить спокойно?

— Можно, — сказала Алина.

Он замер от неожиданности. Он ждал сцены. Ждал, что она бросится на папку, вырвет, начнёт проверять.

Алина не двинулась.

Максим прошёл в кухню, положил папку на стол и внимательно посмотрел на неё.

— Ты чего молчишь? — спросил он уже другим тоном. Осторожным. — Ты обиделась?

— Нет, — сказала Алина. — Я просто... слышу.

— Что ты слышишь? — Максим попытался усмехнуться, но вышло плохо.

— Как ты выбираешь слова, — спокойно сказала она. — Как торопишься объяснить. Как злишься, когда я спрашиваю.

Максим напрягся.

— Господи, — он потер лоб. — Алина, ты выдумала себе

драму. Это смешно.

— Тогда покажи переписку, — сказала Алина.

Максим замер. На секунду его лицо стало пустым, как стена.

— Что?

— Покажи переписку с Лерой, — повторила она ровно.

— Раз это “работа”.

— Ты с ума сошла, — выдохнул Максим. — Это конфиденциально. Там клиенты, проекты. Ты не имеешь права.

— А она имеет право писать тебе “##” и стоять внизу у нашего подъезда? — Алина не повышала голос. Она только смотрела.

Максим резко хлопнул ладонью по столу.

— Хватит! — прошипел он. — Ты не понимаешь, что творишь. Ты разрушаешь семью своими фантазиями!

Соня выглянула из комнаты — и тут же спряталась обратно, как зверёк, почувствовав опасность.

Максим заметил движение и тут же сменил тон.

— Сонечка! — крикнул он мягче. — Иди сюда, я тебе сказку прочитаю.

Алина не отвела взгляда.

— Иди, — сказала она Соне тихо. — Папа почитает.

Соня подошла нерешительно, словно выбирала, кого не предать.

Максим взял её на руки, прижал.

— Пойдём, зайка.

И уже у двери детской бросил Алине через плечо:
— Мы поговорим, когда ты успокоишься.

Алина кивнула.

— Конечно.

Он ушёл в детскую, а Алина осталась на кухне с папкой, гирляндой и тюльпанами, которые теперь казались издевкой.

Она не трогала папку. Не потому что уважала “конфиденциальность”. Потому что понимала: если Максим решил играть в правоту, то папка — не улика, а реквизит.

Ей нужна была не бумага.

Ей нужна была правда.

Алина медленно поднялась и пошла в кабинет.

Дверь была приоткрыта. На столе — ноутбук Максима. Экран погас, но зарядка была воткнута. Значит, он работал здесь. Или делал вид.

Она не собиралась “рыться”. Она собиралась перестать быть слепой.

Пальцы легли на крышку ноутбука — лёгкое движение, и экран вспыхнул.

Рабочий стол. Открытый браузер. Несколько вкладок.

И в правом нижнем углу — маленький значок мессенджера, который мигнул, как глаз.

Сообщение.

Алина замерла.

Она не знала пароля от ноутбука? Но он был открыт. Забыл закрыть. Или был уверен, что она “не посмеет”.

На экране всплыло окно с фразой, обрезанной по длине:

Лера: *“Ты обещал. Я не собираюсь больше...”*

Алина села.

Сердце билось где-то в горле, но лицо оставалось спокойным. Как у человека, который уже всё понял — и теперь просто собирает детали, чтобы не дать себе отступить.

Она нажала на окно.

Переписка открылась.

И мир перестал быть прежним.

Сверху — имя: **Лера**. Рядом — сердечко. И фотография профиля: светлые волосы, губы, уверенная улыбка. Такая, какую женщины делают, когда знают, что им всё можно.

Алина прочла последнее:

Лера: *Ты обещал. Я приехала. Стояла как идиотка. Ты меня слил.*
Максим: *Не пиши так. Я дома.*
Лера: *Дома с ней? С “идеальной семьёй”? Ты же сказал — скоро всё изменится.*
Максим: *Не сейчас.*
Лера: *Когда “сейчас”, Максим? Я устала быть тенью.*

У Алины внутри что-то хрустнуло — сухо, без звука.

Она не плакала. Не кричала. Только сидела и смотрела на экран, как на отчёт о катастрофе.

Пальцы сами потянулись к мышке. Она пролистала выше.

И увидела то, что превращало “разовый сбой” в систему.

Фразы повторялись, как ритм.

“Скучаю.”
“Когда увидимся?”
“Номер тот же?”
“Я купила то платье.”
“Не могу забыть про-

илую ночь.”

Алина сглотнула.

В голове было удивительно пусто. Не больно — пока нет. Просто пусто, как после взрыва, когда организм ещё не понял, что ранен.

Она оглянулась — дверь в кабинет всё ещё была приоткрыта, из детской доносился голос Максима: он читал Соне сказку. Спокойно, с интонациями. Как будто внутри него не было никакого второго мира.

Алина достала свой телефон. Включила камеру.

Сделала первый снимок экрана.

Потом второй.

Потом ещё.

Она фотографировала чат так, словно собирала доказательства в уголовном деле.

И вдруг взгляд зацепился за строку даты.

Не “сегодня”. Не “вчера”.

**Три месяца назад.
Пять месяцев назад.
Год назад.**

Алина почувствовала, как ледяная тишина внутри становится ещё холоднее.

Она пролистнула дальше — и увидела сообщение, от которого у неё побелели пальцы на телефоне.

Лера: *“Тогда, в отеле, в августе... я думала, ты правда уйдёшь.”
Максим:* *“Я уйду. Просто не сразу. Терпи.”*

Август.

У Алины в голове вспыхнул август: Соня с мороженым, их поездка на озеро, Максим, который “уезжал на конференцию”, а потом привёз “тюльпаны просто так” и говорил, что скучал.

Август.

Не раз.

Алина медленно выдохнула.

Её рука потянулась к другой вкладке браузера. Она открыла почту — и увидела, что Максим, видимо, не вышел из аккаунта. Входящие письма. Обычные. Рабочие. Но сверху — уведомление.

Подтверждение бронирования.

Алина нажала — почти автоматически, как человек, который уже не может остановиться.

На экране — письмо от отеля. Даты. Двухместный номер. Оплата.

Она не знала названия — но знала слово “люкс”.

Она проскроллила вниз и увидела вложение — PDF.

Алина сфотографировала и это.

Потом — ещё одно письмо. И ещё.

Три брони за последние полгода.

И одна — совсем недавно, на следующей неделе.

Её руки были спокойными. Лицо — спокойным. Только внутри что-то неумолимо перестраивалось: из “жена” в “человек, который не даст себя уничтожить”.

— Мам? — из коридора раздался Сонкин шёпот.

Алина вздрогнула и быстро погасила экран ноутбука. Повернулась.

Соня стояла в дверях, в короне, помятой от вечернего напряжения.

— Ты чего тут? — спросила дочь.

Алина подошла к ней, присела, чтобы быть на одном уровне.

— Я... искала зарядку, — сказала она. Голос прозвучал ровно.

Соня посмотрела внимательно — слишком внимательно.

— Ты плакать будешь?

Алина на секунду прикрыла глаза.

— Нет, солнышко. Я не буду плакать.

— Тогда всё хорошо? — спросила Соня, как будто “хорошо” — это когда мама не плачет.

Алина улыбнулась — тонко, осторожно.

— Мы с тобой — хорошо. Всегда.

Соня кивнула, будто запомнила это как правило выживания.

— Папа сказал, ты нервничаешь, потому что устала.

— Может быть, — сказала Алина. — Иди спать. Я сейчас приду, укрою тебя.

Соня ушла.

Алина осталась в коридоре, прислушиваясь.

В детской поскрипывала кровать — Максим вставал.

Она вернулась на кухню, села и уставилась в пустой ста-

кан, словно там можно было утонуть.

Через минуту Максим вышел, зевая.

— Соня уснула, — сказал он, как будто делал хорошее дело. — Ты довольна?

Алина подняла на него глаза.

И Максим осёкся.

Потому что в её взгляде не было привычного — ни обиды, ни просьбы, ни надежды.

Там было что-то другое.

Холод.

— Что? — спросил он резко, сразу защищаясь.

Алина медленно встала.

— Ничего, — сказала она. — Спокойной ночи, Максим.

Он нахмурился.

— Ты опять начинаешь?

— Нет, — сказала Алина. — Я заканчиваю.

Максим сделал шаг к ней.

— Ты что несёшь? — голос стал ниже. Опаснее. — Алина, хватит играть. У тебя истерика?

Она посмотрела на него спокойно, почти без выражения.

— У меня нет истерики.

— Тогда что с тобой? — он почти прошепел. — Почему ты такая... чужая?

Алина выдержала паузу — длинную, тягучую.

— Потому что я тебя увидела, — сказала она тихо.

Максим замер. На секунду — снова.

— Ты ничего не видела, — сказал он быстро. — Ты себе придумала.

— Я не придумала, — сказала Алина. — Я просто... запомнила.

Максим попытался улыбнуться.

— Ты хочешь поругаться? Давай завтра. Сейчас поздно.

— Поздно было вчера, — сказала Алина.

Он подошёл ближе, хотел взять её за руку — привычный жест примирения, который обычно работал как кнопка “стереть конфликт”.

Алина отступила на полшага.

И Максим понял.

Не “понял всё”. Он понял самое страшное для него: привычная кнопка больше не работает.

— Ты что, правда... — он не договорил.

Алина смотрела на него и молчала.

Максим сглотнул.

— Алина, — сказал он уже мягче, почти ласково. — Ты ведь умная. Не разрушай всё из-за... ерунды.

Ерунда.

Август. Отели. “Терпи”.

Алина впервые за вечер улыбнулась — сухо.

— Спокойной ночи, Максим, — повторила она.

Она развернулась и пошла в спальню, закрыла дверь.

И только там, в темноте, достала телефон и открыла фотографии: чат, брони, даты.

Её пальцы не дрожали.

Дрожало только одно: мысль.

Это не разово.

Она перелистнула вверх, выше, ещё выше — и увидела самое раннее сообщение.

Два года назад.

Она закрыла глаза.

Два года.

Не ошибка. Не слабость. Не “сорвался”.

Жизнь на две стороны.

Телефон завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера:

“Не делай глупостей. Он всё равно выберет меня.”

Алина смотрела на экран и понимала, что это уже не про боль.

Это про войну, к которой она только что получила входной билет.

И на секунду ей стало очень спокойно.

Потому что теперь у неё было то, чего не было вчера.

Улика.

И знание, от которого больше не спрячешься.

ГЛАВА 3. «Ты мне больше никто»

Алина нажала “Отправить” и только потом заметила, что держит телефон так, будто это оружие.

Скрины ушли на её почту — на старый ящик, который Максим никогда не видел. Следом — ещё одно письмо, уже Кире. Без текста. Просто вложения. Чат. Даты. Отельные подтверждения.

Пальцы были спокойными. Спокойнее, чем должны были быть у женщины, которой только что вырвали пол из-под ног.

Телефон снова завибрировал.

Неизвестный номер.

Не делай глупостей.

Алина посмотрела на экран и выключила звук.

— Мам? — Соня шевельнулась в кровати. — Ты пришла?

Алина быстро спрятала телефон под подушку и наклонилась к дочери.

— Я здесь, солнышко.

— Папа сказал, ты просто устала... — Соня моргнула сонно. — А он... он завтра в садик меня отведёт?

Алина задержала дыхание на секунду, будто пыталась удержать в себе что-то тяжёлое и горячее.

— Завтра я отведу, — сказала она мягко. — А папа... папа будет работать.

— Он всегда работает, — пробормотала Соня и потянулась к Алине лбом, как котёнок.

Алина поцеловала её в висок и выключила ночник.

Когда она вышла в коридор, квартира была темна и тиха. Только из кабинета просачивалась полоска света — Максим не спал.

Он действительно “работал”. Или делал вид. Или писал ей — Лере. У Алины от одной этой мысли неприятно свело внутри, но лицо осталось неподвижным.

Она не пошла в кабинет.

Она пошла на кухню и включила чайник, хотя пить не хотела.

Нужен был звук. Любой. Чтобы не слышать, как в голове щёлкают даты: два года, август, отель, “терпи”.

Чайник зашипел.

Дверь кабинета открылась.

Максим появился на пороге кухни в домашней футболке, растрёпанный, будто усталый человек, которого довели. Он поиграл этим образом секунду — и улыбнулся.

— Ты не спишь? — спросил он слишком ласково.

— Нет, — сказала Алина.

— Всё ещё дуешься? — Максим подошёл ближе, взял кружку, как будто имел право на её кухню, её чай, её привычную жизнь. — Слушай, давай завтра. Ладно? Сегодня... ну, не тот день для разборок.

— Для разборок всегда “не тот день”, — спокойно сказала

Алина.

Максим замер. Усмешка стала тоньше.

— Ты реально решила устроить мне суд? — он опёрся бедром о стол. — Алина, ты понимаешь, что делаешь из мухи слона?

Алина смотрела на его руки. На ногти. На кольцо, которое он всё ещё носил. На то, как уверенно он стоит — как дома.

— Муха — это опоздание, — сказала она. — Слон — это два года.

Максим моргнул.

— Что?

— Два года, Максим, — повторила Алина. Её голос не дрожал. — Ты так долго живёшь на две стороны.

Он сделал шаг вперёд — резко, мгновенно.

— Ты рылась в моих вещах.

— Я увидела, — сказала она. — И сохранила.

Максим остановился.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то голое, животное — страх. Но он тут же зашил его привычной злостью.

— Сохранила? — он усмехнулся. — Ты что, следовательно? Ты решила разрушить семью ради... сообщений?

— Ради себя, — сказала Алина.

Максим хмыкнул.

— Ради себя... — повторил он, словно это было смешно. — А Соня? Ради неё ты тоже “ради себя”?

Алина почувствовала, как внутри поднимается волна, но

она не дала ей выйти на лицо.

— Не произноси её имя как оружие, — сказала она тихо. Максим наклонился ближе.

— Я произнесу всё, что захочу, — прошептал он. — Потому что это моя семья. Мой дом. Мой ребёнок. И ты сейчас стоишь и играешь в сильную женщину, потому что тебе скучно.

Алина медленно подняла взгляд.

— Ты правда думаешь, что мне скучно?

— Я думаю, ты истеришь, — сказал он громче, и от этого слова на кухне стало холоднее. — Тебе показалось. Ты накрутила. Ты устала. Ты придумала себе “драму” — как всегда, когда тебе не хватает внимания.

— Не “как всегда”, — сказала Алина. — Как никогда. Потому что раньше я верила словам. Сейчас я верю датам.

Максим резко повернулся к чайнику, выключил его ладонью, будто звук раздражал.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим. Допустим, я... оступился.

Алина молчала.

— Это было... — Максим сделал паузу, подбирая правильное слово. — ...глупо. Это ничего не значит.

— Два года ничего не значит? — спросила Алина.

Максим махнул рукой.

— Не два года. Ты не понимаешь. Женщины любят преувеличивать. Там... были разговоры. Флирт. Ты же знаешь,

как это бывает. В офисе.

— В офисе бронируют люкс на двоих? — спокойно спросила Алина.

Максим снова замер.

— Откуда ты... — начал он и тут же оборвал себя. — Да какая разница. Ты полезла в мою почту. Это незаконно, Алина.

— Знаешь, что незаконно? — Алина чуть наклонила голову. — Делать из жены мебель.

Максим раздражённо выдохнул.

— Вот оно. Началось. “Мебель”. “Жертва”. Ты слышишь себя? Тебе нравится страдать, да?

— Нет, — сказала Алина. — Мне нравится жить.

Максим смотрел на неё, как на чужую.

— И что ты хочешь? — спросил он медленно. — Чтобы я извинился? Вот. Извини. — Он бросил это слово, как косточку собаке. — Всё. Закружи тему.

— Нет, — сказала Алина.

— Нет? — Максим прищурился. — Тогда что?

Алина сделала вдох. Один.

— Я подаю на развод, — сказала она.

Максим рассмеялся.

Смех прозвучал не весело, а как удар — короткий, унижительный.

— Ты серьёзно? — он покачал головой. — Ты... ты решила меня наказать? Да кто ты такая, чтобы меня наказывать?

— Я — твоя жена, — сказала Алина. — Была.

Максим резко перестал смеяться.

— “Была”... — повторил он тихо. — Слушай, ты сейчас наговоришь глупостей, а потом будешь жалеть.

— Я уже жалею, — сказала Алина. — Что так долго молчала.

Максим шагнул к ней, схватил за запястье — не больно, но жёстко. Как напоминание: *я могу*.

— Ты никуда не пойдёшь, — сказал он.

Алина не вырвала руку. Просто посмотрела на его пальцы на своей коже.

— Отпусти, — сказала она.

— Ты слышишь меня? — Максим наклонился, глаза стали тёмными. — Ты не уйдёшь. Потому что ты без меня... — он окинул её взглядом сверху вниз. — Ты без меня кто?

Алина улыбнулась — тонко, без радости.

— Вот теперь ты честный, — сказала она.

Максим сжал запястье сильнее.

— Ты сейчас изображаешь гордую? Ты хочешь, чтобы я стал виноватым? — он говорил быстрее, нервнее. — Хорошо. Я виноват. Я устал. Я запутался. Ты... ты тоже не подарок, Алина. Ты стала холодной. Ты всё время недовольна. Ты перестала...

— Любить? — подсказала она.

— Быть женщиной, — выплюнул Максим.

Алина моргнула медленно.

— “Быть женщиной” — это что? — спросила она ровно.
— Улыбаться, когда мне врут? Молчать, когда меня унижают? Быть удобной?

Максим резко отпустил её руку и отвернулся, будто ему противно.

— Опять твои слова. “Удобной”. Кто тебе это в голову вбил? Кира?

— Не Кира, — сказала Алина. — Жизнь.

Максим снова повернулся к ней — и на секунду попытался стать другим. Мягким. Домашним. Тем самым Максимом, которого она когда-то любила.

— Алина, — сказал он тише. — Послушай. Давай... я всё исправлю. Я прекращу общение. Слышишь? Прекращу. Мы поедem куда-нибудь. В отпуск. Ты отдохнёшь. Мы начнём сначала.

— Сначала? — спросила Алина.

— Да. Сначала.

— А Соня? — Алина произнесла имя дочери спокойно, но каждый звук был как стекло. — Ей тоже “начать сначала” с папой, который два года живёт враньём?

Максим поморщился.

— Не мешай ребёнку.

— Ты мешал, — сказала Алина. — Когда выбирал отели вместо семьи.

Максим резко взял телефон со стола и поднял его, как щит.

— Хочешь войны? — спросил он вдруг. — Ты сама её начинаешь.

Алина подняла брови.

— Я начинаю развод.

— Для меня это одно и то же, — сказал Максим. — Ты сейчас думаешь, что у тебя есть какие-то “доказательства” и ты такая... победительница? — он усмехнулся. — Ты наивная.

Алина молчала.

— Ты что, правда веришь, что суд будет слушать твои фоточки? — Максим наклонился вперёд. — Ты не понимаешь, как работает мир, Алина. Я работаю в этом мире. У меня связи. У меня деньги. У меня репутация.

Он сделал шаг, ещё один — и вдруг попытался выхватить её телефон, лежащий на столе.

Алина была быстрее. Она забрала телефон и убрала в карман халата.

— Ты с ума сошла, — прошипел Максим. — Отдай.

— Нет, — сказала Алина.

— Отдай! — голос сорвался.

Алина смотрела спокойно.

— Я уже сохранила всё, — сказала она.

Максим остановился, как будто ударился о стену.

— Куда?

— Туда, где ты не достанешь, — сказала Алина.

На секунду он стал бледнее.

Потом лицо снова стало жёстким.

— Ты решила играть грязно, — сказал он. — Окей.

— Это ты играешь грязно, — ответила Алина. — Я просто перестала закрывать глаза.

Максим вдруг улыбнулся — и от этой улыбки у Алины по спине прошёл холод.

— Ты думаешь, ты смелая, — сказал он. — Потому что сказала “развод”. Потому что стоишь и не плачешь. — Он приблизился так, что она почувствовала его дыхание. — Алина, ты понятия не имеешь, что будет, если ты действительно пойдёшь дальше.

— Я пойду, — сказала она.

— Посмотрим, — Максим наклонил голову. — Ты сейчас хочешь быть сильной? Прекрасно. Будь. Только запомни: я не буду “хорошим” в этой истории.

Алина выдержала паузу.

— Я и не прошу, — сказала она. — Я просто ухожу.

Максим дернулся, как от пощёчины.

— Куда ты уйдёшь? — спросил он резко. — В никуда? С ребёнком? Ты думаешь, ты сможешь одна? — Он усмехнулся снова. — Ты даже коммуналку не знаешь, где оплачивать, Алина.

— Я узнаю, — сказала она.

— А я сделаю так, — сказал Максим тихо, — что ты ничего не узнаешь.

Он развернулся и пошёл к двери кухни, потом остановил-

ся и оглянулся.

— Ты хочешь развода? — спросил он. — Хорошо. Но тогда слушай меня внимательно.

Алина не шевельнулась.

Максим произнёс фразу спокойно, почти буднично — так, как говорят о погоде, когда уже решили всё:

— Ты останешься без денег. И без Сони. Я тебе обещаю.

Алина почувствовала, как сердце всё-таки ударило сильнее — один раз, глухо. Но лицо осталось прежним.

— Ты угрожаешь мне? — спросила она.

Максим пожал плечами.

— Я предупреждаю. — Он сделал шаг к коридору. — И знаешь что? Ты сама это выбрала. Когда решила “подавать на развод”.

Он ушёл в темноту коридора.

Алина стояла на кухне, слушая, как его шаги растворяются в квартире, где ещё вчера висели шарики и горели огоньки.

И впервые за эту ночь она поняла, что самое страшное — не измена.

Самое страшное — что он действительно готов воевать.

ГЛАВА 4. «Война начинается»

Оплата не прошла с первого раза.

Кассирша даже не подняла глаза — просто протянула терминал снова, как будто Алина ошиблась пальцем.

— Попробуйте ещё, — сказала она усталым тоном.

Алина улыбнулась механически, приложила карту второй раз.

Писк. Красная строка. *ОТКАЗ*.

Соня рядом, в пуховике, с рюкзачком, смотрела на витрину с булочками так, будто там лежало счастье в сахарной пудре.

— Мам, а можно вот ту? — Соня показала пальцем на круассан.

— Можно, — сказала Алина слишком уверенно и почувствовала, как кровь приливает к лицу.

Кассирша наконец подняла глаза.

— У вас... недостаточно средств или карта заблокирована. Другая есть?

Другая.

Алина на секунду зависла. В голове пронеслось: *это не про деньги. Это про власть.*

— Сейчас, — сказала она спокойно, достала телефон и, не отводя взгляда от терминала, приложила NFC с другой карты — дополнительной, которой пользовалась редко.

Писк. *ОТКАЗ.*

Соня нахмурилась.

— Мам, что такое “отказ”?

— Это... — Алина улыбнулась и наклонилась к дочери.

— Это значит, что мы купим булочку в другом месте.

Кассирша пожала плечами, уже отворачиваясь к следующему покупателю.

— Бывает.

Алина взяла Соню за руку и вышла из кофейни, как будто это был её выбор.

На улице моросил дождь, и воздух пах мокрым асфальтом — честно, без сладких духов и гостиничного мыла. Честнее, чем всё, что происходило последние сутки.

— Мам, — Соня потянула её за рукав, — ты злишься?

— Нет, — сказала Алина. — Просто... я кое-что проверяю.

— А проверять — это как в школе?

— Почти, — улыбнулась Алина. — Только это взрослая школа.

Она отвела Соню под козырёк и набрала номер банка.

Автоответчик, музыка, “оставайтесь на линии”.

Алина смотрела на стекло кофейни, на людей внутри — как они спокойно расплачивались, смеялись, жили. У них не отнимали воздух.

— Служба поддержки, здравствуйте, — наконец ответил оператор.

— Доброе утро, — сказала Алина ровно. — У меня не проходят карты. Обе.

— Назовите последние четыре цифры, пожалуйста.
Алина назвала.

Пауза. Клацанье клавиатуры.

— По вашей карте... блокировка.

— По какой причине? — голос Алины остался спокойным.

— Ограничения со стороны владельца счёта, — сухо сказал оператор. — Рекомендую обратиться к владельцу.

Алина посмотрела в серое небо.

— Владелец — мой муж? — уточнила она, хотя знала ответ.

— Данные не могу разглашать, — автоматически ответил оператор. — Но, да, ограничение установлено владельцем.

— По второй карте? — спросила Алина.

— Также ограничение.

— А доступ в онлайн-банк? — Алина открыла приложение. Пароль не принимало. “Пользователь не найден.” Как будто её стёрли.

— У вас нет активного доступа, — сказал оператор. — Возможно, профиль удалён или отвязан.

— Это возможно сделать без моего подтверждения? — спросила Алина.

Оператор замялся.

— Если... если пользователь был дополнительным, то да.

Владелец может управлять правами.

Владелец может управлять правами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.